

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Я никогда ничего не переводила, но много думала о переводе – и как филолог, и как поэт.

«Слово, живое слово, неразрывно связанное с диалогическим общением, по природе своей хочет быть услышанным и отвеченным», – писал М.М. Бахтин [1, 326]. Перевод – в первую очередь именно слушание и ответ, оформление этого одухотворяющего движения, превращение его в конкретное авторское высказывание, в котором рождается «живое, растущее, становящееся, меняющееся значение» [1, 325]. Перевод – квинтэссенция существования литературного произведения вообще как бесконечного смыслового развертывания, которое носит личностно-творческий характер.

И поэтому перевод – одно из самых трудных дел, связанных со словом. Это смысловое развертывание в данном случае выражается в преодолении преграды (об этом говорит сам язык: перевести текст как перевести кого-то через дорогу). О. Седакова в одном из интервью сказала следующее: «Первое сильное ощущение от ... попытки перевода – какого-то волшебства, чудесной удачи: как будто между английским оригиналом и его русским подобием было перейдено море несуществования» [2]. Действительно, существует онтологический промежуток, зазор, поскольку воссоздаваемый смысл переносится не только в другой текст, но и контекст, причем не только национально-культурный, но и семантический.

Можно до бесконечности спорить о том, стоит ли адаптировать к своей культуре и языку чужой текст или, наоборот, подчеркивать его инокультурность и чуждость. Просто переводчик все равно находится на границе. А нахождение на границе – очень трудное и рискованное дело – все равно, что хождение по канату, требует прежде всего точности движений. Граница ведь не только тонка, она, по-видимому, обладает собственной энергией и силой, которая может, в случае малейшего отклонения, отбросить переводчика, пытающегося соединить смыслы и культуры, – за пределы и культуры, и смысла.

Вот эти проблемы заставляли меня удерживаться от каких-либо переводов. Но почему я все-таки решила рискнуть?

Прежде всего – когда я прочла Ахматову в украинских переводах, мне стало грустно. Помимо естественных проблем, связанных с близостью

языков (потому что на самом деле эта близость ничего не облегчает, скорее наоборот: возникает странное давление оригинала, звуковая инерция, за которой идет переводчик в ущерб смыслу), тут еще и явно проявляется недопонимание, когда переводчик скользит по поверхности текста или же когда работает только с конкретным стихотворением как неким изолированным целым, вне контекста всего творчества.

В этом плане «Реквиему» тоже не повезло. Нет смысла сейчас анализировать перевод В. Затуливитра – хорошо, что он есть. Но в этом переводе есть ряд моментов, которые никак не входят в спектр адекватности ахматовской поэзии (если есть такой спектр у анализа литературного произведения – естественно, он есть у перевода): «Врешті – вирик... Сльози рятували:/ Назавжди відрізнена од всіх, / Мов на площі – навзнак – згвалтували,/ Пси у підворітні недовали / Йдеш, немов сновида... В мертвий світ...». Не только в приведенных строчках, но и в переводе в целом поэт – несчастная жертва жестокости сталинских палачей, а весь текст – смесь жалобы и обличения.

Между тем смысл «Реквиема» гораздо глубже. Речь идет о времени, точнее, о разломе времен, когда прошлое закончилось, будущего нет, и жизнь погружена в бездну межеумочности и страха. И о поэтическом слове, которое преодолевает этот разлом, возвращая прошлое и воссоздавая связь времен, где нет отдельных страдающих людей, а есть одна беда, случившаяся со многими. Поэт здесь – прежде всего вместилище памяти об одном мучительном моменте, но таком, в котором отразились и возвратились многие другие мучительные моменты, и вместилище памяти о собственной трагедии, в которой отражаются многие подобные трагедии.

Конечно, если бы дело было только в понимании – можно было бы ограничиться еще одной научной статьей. В общем-то, мне самой такой выбор кажется странным, особенно если учесть, что это мой первый опыт перевода. Я начала работу в конце 2015 году, когда мне стало ясно, что я вряд ли скоро вернусь в родной Донецк. Но в тот момент, когда я ощутила, что таки перевожу (вдруг стали возникать в голове не отдельные строчки на украинском, как у меня бывало часто со стихами на русском, которые я знаю наи-

зуть), а четверостишия, а потом и стихотворения, я понимала, что это сделать надо. И в своих стихах, и в прозе в то время я озвучивала определенную судьбу – судьбу людей, вырванных из нормальной жизни, душевную сумятицу, балан-

сирование на грани. Судьбу людей, у которых одна жизнь закончилось, а новая не началась.

Я надеюсь, что после чтения моего перевода кто-нибудь перечитает подлинник – и откроет в нем новые смыслы.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
2. Седакова О. Беседа о переводе стихов на русский язык и с русского. Интервью Елене Калашниковой. Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/interview/131>.